

Ольга Мязотс

РУССКАЯ АНГЛИЯ: РЕЦ. НА: GOODWIN
ELENA. TRANSLATING ENGLAND INTO
RUSSIAN. THE POLITICS OF CHILDREN'S
LITERATURE IN SOVIET UNION AND
MODERN RUSSIA. LND.: BLOOMSBURY
ACADEMIC, 2020

Монография британской исследовательницы Елены Гудвин «Перевод Англии на русский. Политика по отношению к детской литературе в Советском Союзе и современной России» посвящена изучению проблемы переводов классической английской детской литературы на русский язык на протяжении последнего столетия. Автор выделяет два периода — с 1918 г. по 1991 г. и с 1992 г. по 2015 г., (т.е. советский и постсоветский), и отмечает, что детские книги всегда занимали особое положение в истории русской литературы.

Выбранная Еленой Гудвин методика основана на теоретических положениях современных исследователей. Анализируя переводную литературу, Гудвин не может не затронуть проблему выбора одного из двух подходов к переводимому тексту — доместикация или форенизация. Автор указывает, что при переводе детской литературы предпочтение чаще отдается стратегии доместикации, что может быть обусловлено не только

Ольга Николаевна Мязотс

Библиотека иностранной литературы им. М. И. Рудомино,
Институт графики и искусства книги им. В. А. Фаворского
Высшей школы печати и медиаиндустрии, Москва
omaeots@gmail.com

необходимостью адаптации инокультурного текста к восприятию юных читателей, но и иными причинами: идеологическими, политическими, историко-культурными.

Обращаясь к изучению истории переводов, Елена Гудвин опирается на широкий культурно-исторический контекст и стремится проследить, как менялись представления об Англии в русский детской литературе на протяжении выбранного исследовательницей периода.

Исследовательница вводит понятие *Englishness* / «английскость»¹, которое является суммой представлений об Англии, представленной в оригинальных произведениях английских авторов. При этом Гудвин отделяет «английскость» от *Britishness* / «британскости», поскольку вторая, по мнению автора, предполагает наличие мультиэтнического компонента, присущего современной британской детской литературе.

Английскость характеризуется англоцентричностью и воплощена в стереотипном понятии «*Merry England*» / «Веселая Англия», предполагающем идеализированное представление о прошлом, которое было свойственно Викторианской и Эдвардианской эпохам, но которое по-прежнему живо и сохранилось до наших дней в сознании англичан. «Хотя англичане со временем изменились, литературный миф об Англии как сельской идиллии, крае джентльменов и леди, а также представление об уютном английском доме, оберегающем частную жизнь его обитателей, вновь и вновь оживает, когда читатель открывает классическое произведение английской детской литературы» [Goodwin 2020, 14].

Е. Гудвин выделяет три аспекта, которые определяют «английскость»: это, во-первых, политические и идеологические ассоциации, связанные с классовой системой общества, имперской идеологией, национальной историей, героическим прошлым и славными традициями; во-вторых, культурные ассоциации, относящиеся к пейзажу и определенным локусам — городу, селу, дому; и, в-третьих, черты национального характера, включающее такие тропы, как «джентльмен», «гувернантка», «сельский житель». Национальный характер также связан с такими понятиями, как «экстравагантность» и «нелепость» («*silliness*»). Исследовательница утверждает, что с английскими представлениями о *Merry England* в контексте русской культуры соотносятся такие стереотипы как «Добрая Старая Англия» и «Туманный Альбион», подробно анализирует смысл, который вкладывают в эти понятия русские читатели, отмечая что «в большинстве случаев эти стереотипы имеют пози-

тивные коннотации и создают идеализированный образ Англии, как „Доброй Старой Англии“ или „Merry England“, и предполагают описания сельских домов, эксцентричных джентльменов — искателей приключений, вежливых манер, разговоров о погоде и любви к собакам» [Goodwin 2020, 18]. В то же время Е. Гудвин полагает, что в русских переводах классических произведений британской детской литературы, передача английскости, с одной стороны подвергалась влиянию цензуры и предписанных идеологических интерпретаций, а с другой — была отчасти русифицирована в соответствии с русскими стереотипами. «Авторы укрепили идеализированный образ Англии, популярный у русской аудитории: они предлагают читателям то, что тем нравится — миф о доброй старой Англии» [Goodwin 2020, 19]. Созданию этого мифа способствовало и то, что советские переводчики, работая в изоляции, часто не имели представления о реалиях английской жизни и вынуждены были восполнять это незнание догадками и домыслами, создавая свою воображаемую Англию.

Е. Гудвин прослеживает, как представление об «английскости» меняется в зависимости от изменений политической ситуации в советской и постсоветской России и отмечает, что, если в Советском Союзе важную роль играла политическая идеология, проявлявшаяся в форме цензуры и самоцензуры, то в постсоветской России главенствует идеология коммерческая. Исследовательница анализирует критерии отбора книг для перевода и роль цензора и редактора в подготовке книг к изданию. А также — влияние на финальный текст самоцензуры переводчика и издателя.

Для анализа истории переводов были выбраны классические произведения английской детской литературы, написанные в 1910–1930-х гг.: «Питер Пэн» Дж. М. Барри, «Пак с Волшебных холмов» Р. Киплинга, «Ветер в ивах» К. Грэхема, стихотворения «Королевский бутерброд» и «Король и бродяга» А. А. Милна и «Мэри Поппинс» П. Трэверс. Все эти книги представлены на русском языке в разных переводах, что позволяет проанализировать то, как разные переводчики в разное время интерпретировали иноязычный текст и различные аспекты «английскости». Так, Е. Гудвин рассматривает, как в русских версиях «Питера Пэна» трактуется присущая английскому тексту имперская героика и приводит в качестве примера то, как уходило из русских переводов представление о Капитане Крюке как истинном джентльмене и о детях, как защитниках империи и как в историко-фантастической повести «Пак с Волшебных холмов» трактуются темы героического прошлого и формирования

национального характера. Также исследовательница размышляет о том, насколько точно переводчики «Ветра в ивах» смогли отразить традиционный жизненный уклад сельской Англии и особенности национального характера.

Особое внимание в книге — на примере стихов А. А. Милна и сказочной повести П. Трэверс — уделено передаче в русских переводах такого свойства английского национального характера как «нелепость». Рассуждая о переводах английской поэзии нонсенса С. Маршаком, Гудвин отмечает, что «с одной стороны, Маршак воссоздает атмосферу нелепости в своих переводах, но с другой — добавляет советские нюансы» [Goodwin 2020, 114]. В качестве одного из примеров такого нюансирования приводится концовка стихотворения «Баллада о королевском бутерброде» А. А. Милна, где король назван «тираном и сумасбродом». Гудвин полагает, что это попытка идеологической оценки и классового осуждения, но, однако, не замечает, что в данном случае Маршак пародирует навязчивый советский штамп. Исследовательница упускает из виду то, что русская переводная поэзия нонсенса часто была еще и пародией, что позволяло ей высмеивать то самое идеологическое давление, в условиях которого приходилось работать переводчику. Таким образом, поэзия нонсенса, в том числе и поэзия детская, становились территорией свободного аполитичного творчества, позволяющего свободу интеллектуальной игры.

Интерпретаторами переводимых текстов выступают не только переводчики, но и иллюстраторы. Включение в исследование иллюстративного материала и сравнение и анализ иллюстраций, выполненных разными художниками, несомненно интересно и плодотворно. Ведь иллюстратор в переводной книге, изображая иностранную реальность, выступает как носитель определенных культурных представлений и стереотипов, а также как толкователь и комментатор оригинального произведения и его перевода. Приводимые в книге примеры наглядно демонстрируют, что перед художниками вставали и встают те же проблемы адаптации иноязычной культуры, что и перед переводчиками. Елена Гудвин делает целый ряд интересных замечаний, обращая внимание на то, например, что в русских иллюстрациях редко присутствует столь важный для английского автора и читателя английский пейзаж, и указывает, что в работе русских художников прослеживается тенденция к русификации или, скорее к изображению условного «английского» пейзажа, созданного на основе русских стереотипов.

В заключение следует отметить, что важным достоинством рецензируемой книги является наличие большого реферативного аппарата и объемной библиографии.

Книгу Елены Гудвин отличает широта охвата и глубина изучения темы, что позволяет оценивать это обстоятельное исследование как несомненный ценный вклад не только в изучение теории и практики художественного перевода, но и в историю взаимопонимания и взаимных заблуждений в культуре двух стран. При этом обширный материал, приведенный автором, ясная и живая манера изложения, делают данное научное издание интересным и для широкого круга читателей, интересующихся детской литературой.

Примечания

- ¹ Как отмечают специалисты, концепт Englishness формировался в английской культуре, начиная с XII в., окончательно оформившись в XVIII в. См., напр.: [Harris 2003]; [Данилевич 2015, 58] и др.

Литература

Goodwin 2020 — Goodwin E. *Translating England into Russian. The Politics of Children's Literature in Soviet Union and Modern Russia*. London: Bloomsbury Academic, 2020.

Данилевич 2015 — Данилевич А. И. Национально-культурная ментальность в смысловом пространстве концептосферы: на материале фразеологии русского и английского языков: дис.... кандидата культурологии: 24.00.01. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2015. (Danilevich A. I. *Natsional'no-kul'turnaya mental'nost' v smyslovom prostranstve kontseptosfery: na materiale frazeologii russkogo i angliyskogo yazykov: dis.... kandidata kul'turologii: 24.00.01. Saint-Petersburg, 2015.*)

Harris 2003 — Harris S. J. *Race and Ethnicity in Anglo-Saxon Literature*. New-York: Routledge, 2003.